

Колонны

Блеск света, прерывающегося частыми каплями свистящей медовыми брызгами влаги, открывал сияние чуть покрасневшего тела Дани, сейчас заинтересованно отплясывающего дома у одного из одноклассников. Его крепкое красивое лицо покрывалось потом, быстро спадающим к одежде перламутровыми струйками, а длинные, толстые мышцами руки пластично сгибались, после того напрягаясь в выточенных острыми пухлыми пучками форм. Движения студента удивляли если не красотой, то ловким изобретательством, и с тем слегка вьющиеся чёрные волосы перебрасывали легко поддающуюся чёлку в разные стороны, обдувая порывами падающего воздуха восторженно хлопающих рядом друзей. Музыка неожиданно стихла, и Даня, быстро почувствовавший изменившийся темп, направил сперва опущенные, прикрытые мокрыми веками глаза на свою подругу, манерно выдавив актёрское удивление и сев на шпагат с началом динамично пустившегося в тишину большой комнаты припева.

Танец Даниила был самым незаурядным, и друзья его, видимо, даже не догадывающиеся о присутствии в нём такого таланта, погрузились во влюблённое наблюдение. Джинсы, обтягивающие суживающиеся к коленям и разбухающие к бёдрам и ягодицам ноги, в трёх местах выделялись белыми рваными пятнами, а короткие бежевые носки полностью просвечивали широкие стопы, сейчас отбивающие покрытие половины первого этажа крупного пригородного дома. Три красные, покрашенные, вероятно, самым парнем цепи, крепящиеся спереди и сбоку, сбивчиво менялись местами под спиной, гибко выдавливающей на футболке ямки глубоких креплений мышц. Почти полностью промокшая футболка цвета морской волны имела крупный вырез на еле поросшей короткой щетиной груди, также открывающей заметные в смене движений Даниила сухие резцы медленно переваливающихся волокон. Белоснежная, прячущая лишь игриво гудящую пустоту улыбка сминала пухлые губы, сжимающиеся под острым носом, а угловатый разрез накрытых длинными ресницами глаз показывал светло-карие, добро поднимающиеся над тонкими морщинками радужки. Выправляя разгибателями пальцев выстраивающиеся под мелодию ступеньки перекатывающиеся мускулы, Даня выставил руки крестом, чётким красивым движением направил ладони к полу и стал представлять микрофон в сильных, покрытых жирными венами руках. Кивки скрывающейся и вновь показывающейся головы раздували вокруг высокого крепкого юноши приятный жар расходящегося по всей квартире танца; такова была внешность друга Иереми.

В этот день одгруппники Даниила и сам студент сдали предпоследний экзамен, являющийся самым затруднительным среди всех и при этом, общем, завершающий учёбу третьего курса, поскольку последний экзамен не представляет из себя что-то серьёзное, о чём также объявлял на занятии молодой преподаватель, решивший, несмотря на условные автоматы, провести его для всех скорее из нерешительности в противлении выставленным датам. Даниил никак не готовился к сегодняшнему испытанию и всё подчистую списал, получив даже комплиментарные слова всегда сурового и холодного преподавателя. Радость студента была больше, чем у остальных, поскольку сегодня он серьёзно рисковал: из всей группы примерно десять человек попало на пересдачу, которую будут принимать только в сентябре; так, почти все успешно сдавшие сегодняшний экзамен ребята решили вдруг собраться у парня, живущего в большом пригородном трёхэтажном доме, на сегодняшний день по его просьбе освобождённый родителями, уехавшими на уже привычное двухдневное путешествие в область. Кто-то занялся покупкой алкоголя, кто-то — мясом для гриля, а Даниил же... с другом Иеремии нередко случалась следующая вещь: руководимый воображаемым мифом о весёлости повседневной жизни и не всегда в полной мере понимающий её особенности, он нередко входил в уникальное по себе состояние радостного заблуждения, когда мысль о приличности своего поведения так сильно отходила от той бесцветной середины, к которой Дания всегда стремился, что действие, уже руководимое исключительно им, осязалось студентом как само собой разумеющееся и всегда настоящее подобным образом именно благодаря внешним обстоятельствам, в существе своём самым обыкновенным.

Так, именно фантастическая глупость, проявляющаяся и посредством страха всего необычного со стороны парня, предполагающая, будто вся жизнь является содержательной и весёлой, зачастую делала Даниила действительно избранным в своей простоте лидера, хотя того он никогда не понимал и даже, вероятно, стремился бы в таком случае избежать. Подобные кампании не могли существовать на продолжительном основании именно из особенности их лидерства, как бы и устремляющего всегда дела эти к забвению в силу неправдоподобного своей исключительностью недопонимания. Даниил не понял ещё, что жизнь скорее неприятна и болезненна, и потому окружение его, выстраивающееся до сих пор удивительно продуктивно и легко, признавалось парнем как должное и даже уступчивое упускаемому веселью.

Даниил купил двенадцать кочанов капусты, потратив на четыре пакета и это дело не более тысячи рублей: сегодняшний вечер был в народном бытовании прозван белокочанным, и отчего-то с самого момента транспортировки студентом всех кочанов он находился в настроении гораздо более приподнятом, чем обыкновенно, чего, вероятно, не осознавал и сам.

Сбросив уже насквозь промокшую футболку, порвавшуюся у правой подмышки от яростного танца, студент стал отжиматься с хлопками на одной только левой руке и делать подряд по три сальто, выученных ещё в детстве, выдавшемся у парня в целом достаточно активным. Под влюблённые визги своих друзей он зализал чёрные волосы назад и, оскалив нижнюю губу, стал перебирать ногами так, словно решил уверенно вести куда-то своих последователей и, сам того не предполагая, в ритм музыки неспеша шагая с оголённым атлетичным торсом, вывел из дома аж шесть одноклассников и в случайный момент побежал, видимо, надеясь оторваться от обозначенного в уме погоней. Глубоким басом распевая песни сорокалетней давности, семеро друзей, в одно мгновение сравнившиеся в беге и проводшие таким образом с двадцать минут тяжёлых интенсивных нагрузок, остановились в лесу.

Пробивающие листья синие сколы лунного света оголяли бирюзовую траву, блестящую звёздным, едва заметно освещающим напряжённые краснотой лица парней порохом. Небо снималось пурпурными тканями неоднородной, прорезающейся сквозь длинные острые стволы глади, и закручивающиеся ватой ямки сходили от небольшого пятна расстегнувшейся листвы всё быстрее: ветер был сильным, и его густой шёпот смешивался с тяжёлым прерывистым дыханием студентов, выпучивших глаза от такого неожиданного напряжения.

— Слушайте... — запыхавшись, один из следующих за Даней парней, сегодня намочивший длинные волосы и оставивший их лежать на закрытом, отчётливо мешающем ему видеть лице, встревожился одним очевидным, хотя и страшным знанием, никак не обработанным в уме решившего неловко сбежать от славы студента, — а вода... вода есть?

Тут же повернувшиеся к Дане, все ещё сильнее округлившимися глазами позабыли об их непростом подвиге и столкнулись с резко пробившимся желанием освободиться от язвенной сухости забитого сильными выдохами горла.

— Я... мы... мы добудем... — неожиданно принявшее стойкий мужественный вид, прежде дурачливое лицо его обратилось воинской доблестью, и с тем смелый шаг в тишине нарастающих, медленно растягивающих плотность хрустящей почвы шагов усиливал дух нуждающихся в воде молодых парней, под случайным руководством испугавшегося восторга Даниила отчаянно согласившихся отдать свои последние силы.

Поход добытчиков уже через пятнадцать минут пополнился новым членом: звонко отбивающие беззащитную почву, они несколько не смущались звуками ломающихся, иногда отпрыгивающих им же в ноги крупных веток и нещадно раздавливаемых улиток. Уверенно не ожидая ничего нового и полезного, студенты к тридцатому шагу своему начали выискивать в лесу, редко освещаемом небрежными кляксами света, хоть что-то забавное, и так скоро стало

обязательным озвучивание успешного обнаружения мусора, сознательно выискиваемого в глубине почерневших деревьев.

— Там бутылка... Да, зелёная бутылка. Из стекла.

— О-да...

Очевидно, ребята заблудились, хотя и поняли это не сразу, со временем соглашаясь с новыми целями, трансформирующимися уже в обыкновенный поиск ориентиров. Хозяина дома с ними не было, а телефоны, как скоро выяснилось, никто не взял.

Поражаясь своей беззаветной глупости и приходя уже в уныние, на десятую минуту они обрели свой символ, в руках Дани несущий их к победе или, по крайней мере, к дороге, здесь не выделяющейся словно специально переставшими ездить машинами. Перебирая незвонко давящей стоптанную землю обувью и иногда голыми ногами, у одного из парней до сих пор обтянутыми пропитанными грязью носками, ребята случайно заметили впереди тёмный комок смело фыркающего зверя. Тихим общим знаком остановившись, все они внимательно устремились в небольшую резь легко освещающей небольшую область луны:

— Ёжик. Натуральный ёжик.

Удивительно смелый, прямо глядящий на семерых тяжело дышащих студентов ёж, выправивший своё массивное кругленькое тельце короткими тонкими ножками, упёрся вперёд переглядывающимися с парнями, широко открывшими от удивления рты, чёрными бусинками глаз. На острой мордочке тёмная, иногда сбиваемая коричневатыми полосками и светлыми кружочками шёрстка заканчивалась мягким, совсем немного приплюснутым носиком, часто дёргающимся в утверждении этих людей друзьями. С минуту уже стоявший перед ошарашенными студентами, он сделал свой первый дружественный жест, шагнув в сторону собранного из пригнувшихся парней полукруга. Оторопевший от умиления и неожиданности Даниил, руководимый не лидерской инициативностью, но сочно набухшим желанием коснуться ёжика, придвинул к нему руку, отчего натужно придыхающий комочек мягко выглаженных иголок не испугался, а даже подошёл ближе. Остальные, медленно подсаживающиеся ниже и разглядывающие его маленькие заострённые лапки с коготками, также начали подносить свои пальцы, которых лесной житель не брезговал: из большой случайности ли, но случайно найденный ёжик оказался крайне тактильным и беззастенчивым, и потому, согласившись самостоятельно залезть на большие руки Дани, он продолжил чуть замедлившийся, но теперь гораздо более радостный путь студентов.

Зеленоватые блики металлических золотых пузырей раздавливались красноватым сиянием взрывающихся глухим раскатом звёзд, и чёрные лоскуты сливающихся в жёлтые пятна кожаных дыр волос растрогались тянущимися линиями вагонов, переворачивающихся молчанием шипящих стонов, оббегающих ветвистые струны вскрывающейся темнотой земли:

всё несло голубыми опухольями покрывающейся геральдическими узорами седины, и спешка эта улыбающимся жестом поворачивалась назад, рассматривая окрывающиеся бронзой стены упорядочивающейся ропотным послушанием болью. Взрытые гладкими неглубокими впадинками ямки, составляющиеся из часто наросших друг на друге пней, опускали синеватое зеркальное свечение, выстреливающее в густую плоть скрывающих за собой толстый слой листьев стволов. Кожаные чёрные плети веток, иногда сбивающих головы проходящих мимо парней, вживались в разохшиеся длинными, подобными геометрическим фигурам сегментами корни, и в еле видном, пропитавшем недвижно подёргивающуюся траву аловатом тумане раскрывались алемандиновые штыри складывающихся в себя цепей, чуть слышно шепчущих сокращённым до писка звоном. Бесцветные нити стянувшихся под затухающим пламенем листвы облаков сжимались крякающими пузырями, так и не дошедшими до многочисленных озёр, которые случайно огибали своим шагом студенты. Бирюзовые поля, редко обозначающие себя кругами тюкающих рты придвигающихся кверху рыб волн, раскидывались длинными нитями, и на голых, похолодевших частыми рубцами вросших в них тёмных песчинок камнях наслаивались толстые, семяющие в бордовых переключивающихся линиях лучи. Луна держалась неподвижным, остающимся на месте при скорой смене находящихся рядом оков леса гигантом, и гигант этот помертвелыми впадинами изрытых глаз спускал на потемневший зеленоватыми бликами лес металлический блеск, выставляющий калекami прежде бегло танцующие широкими пухлыми панцирями объекты. Онемевшая оскоплёнными ногами, земля могла только едва слышно потягиваться, не доходя до света, вырывающего его из посочневшей миазмами человеческих шагов земли. Резво перебирающиеся жемчужины всё новых сторон единого существа, позорно глотающего шаги людей, оголялись и разрывались за открытостью человеческому уму, и так: всё новее стремился стать лес, презирающий человека и вновь отвергающий его горделивое вмешательство. Стекольные сферы его, распадающегося быстро выдернутыми, раскалёнными прохладными тканями колонн ветра, свистящего в пористых шрамах оскорблённого человеком неба, клыками, окаймлёнными бронзовыми лопастями прерывистого света, раскалывающегося в мелких взрывах перед лицами, только через раз сонливо отзывающимися на сковывающий их острой решёткой раздражитель. Прорывающийся неприятный тухловатый запах происходил из нечастых тесных отверстий в изнемогшей, пробивающейся неестественными трескающимися расщелинами земле. Подобно пасти сома, отверстия эти протягивались на весь лес, пожираемый тонкими плотными ленточками краёв серебристого берега, на себе испытывающего рокотливый вой ударяющей выправленные невысокими горками камешки воды. Бежевыми плитами на земле раскладывались плоские притоптанные участки просочившегося среди травы и намокших углублений песка. Лёгкие движения

раздающихся висющими худыми локонами листьев трепали пробегающие сверху небеса, и всё отталкивало человека: всё не хотело его, подлого, тупого и небрежного. Покалеченный миром, он привносил в него только худшие из возможных вещей, и после, удивлённо оглянувшись на протянувшийся по своей жертве ужас, он сумел только оскорбиться обвинению приличного человека, продолжив нелепо топтать по разрываемым на пути ветвям и прогибающемуся под жаром его уродства металлу. Лес видел только человека: лес имел возможность посудить лишь о решениях души, но не о том, как жили люди; лес не видел инвалидов, больных детей и стариков, однако он не был слеп.

Подобно олимпийскому огню, ёж в руках друга Иеремии прорывал парням дорогу, и отчего-то тогда все были уверены в безусловной успешности настоящего положения: такой-то ёжик не мог не обещать славную победу в поисках воды, хотя пить и хотелось всё больше. Переваливаясь через достаточно высокие холмики, Даня был страшно поражён незатейливой привычки ёжика, сейчас смело упирающегося на его руках вперёд, однако скоро рельеф камней, только изредка встречающихся на влажной, порой отяжеляемой плотными трубами корней траве, сменился: двигаясь в одно немного отклонённом от прямой линии направлении, студенты пришли к тоннелю, завалившемуся сверху высоким наростом невыгодно перекрывающего небо леса и продолжающегося дорогой, очевидно уходящей не в необходимую сторону. Чтобы не пугать ёжика, студенты шёпотом посоветовались и решили пройти его насквозь с левой стороны: поскольку внутри дорожек с ограждениями не было, ребята решили идти по одному, держась левой рукой грязной стенки тоннеля.

Войдя в него, Даниил решил спрятать согласившегося с тем ёжика в пожертвованной одним из ребят куртке: так, несколько пошатываясь от странного чувства головокружения, сразу же пропитавшего умы нескольких из студентов, товарищи передвигались не всегда аккуратно, иногда чуть поскользываясь или даже падая, хотя шаг Даниила и был из всех самым спокойным и медленным. Ответственность в виде их талисмана не могла позволить ему пренебрегать безопасностью животного, и потому часто слышимые спереди шлепки пошатывающихся друзей только больше утверждали его в верности выбранного подхода. Пройдя с пятьдесят метров, студенты уже приближались к концу неожиданно длинного тоннеля, однако тишина прежде безмолвно сопящего лучами луны леса прервалась резким, от темноты ещё более страшным рычанием неизвестного происхождения. Неспешной ощупью передвигаясь по совершенно тёмному тоннелю, ребята вдруг перестали слышать друг друга, а Даня полностью спрятал впервые испугавшегося чего-то ёжика в оставившую только небольшую резь для носика куртку. Взрывы моторов сзади сбили с толку студентов, и Даня крикнул всем, сколько позволял слух ушедших вперёд парней и гром ослепляющего шума:

— Ребята! ребята! Стойте, не двигайтесь!!! — прикрывая ёжика от крика рукой, он выговаривал лишь еле слышные в раскатах громко тарахтящих позади объектов слова, доходящие до друзей скорее звукоподражанием; чудом все поняли его мысль и остановились, однако пару раз, столкнувшись и всё же упав, некоторые парни вынуждены были зависеть от быстро отреагировавшей помощи. — Если поскользнётесь, раздавят машины!

Многие из парней даже засомневались в источнике звука и подумали, что столь громкий шум невозможен в мирное время, что такой оглушающий рокот не схож и с близко летящей ракетой, да вскоре после слов Дани позади студентов начали на большой скорости проезжать разбитые, тарахтящие разрывающим уши эхом старые машины угловатых очертаний, в которых к тому же играла музыка и которые в этом тоннеле позволяли себе разгоняться до удивительной, едва не высасывающей ребят к дороге скорости. Три машины на огромной скорости в лёгком заносе проехали мимо скрытых в тени, открывшихся в крутом повороте исключительно силой ксеноновых фар парней, отчего действия водителей нисколько не изменились и один из них, видимо, даже сознательно приоткрыл окна у передних дверей, чтобы аскетично устремившиеся к дому ребята были ещё больше оглушены неприлично звучно долбящей из машины музыкой.

В эти пару секунд студенты изо всех сил прижимались к чёрной стене тоннеля, однако уже скоро оказался виден белый, кажущийся очень слабым свет, приводящий к долгожданному концу тоннеля, и ускорившимся затравленным шагом они устремились к концу теперь скорее пугающего темнотой своей необузданности места. Дрожавший в моменты приближения машин ёжик смело выглянул из-под куртки и потребовал к моменту появления хоть какого-то света выход на голые руки Дани, что и было удовлетворено. Гудящая звоном тишина уже обставленного каким-то ориентиром леса показывала ребятам наслаивающийся на них успех, хотя теперь никто, кажется, со временем естественно приняв мысль эту бредовой, и не думал найти воду вне дома.

Оглянувшись на себя после выхода из прежде скрывающей настоящий их облик норы, парни столкнулись с совершенно неожиданным нынешнему положению и крайне очевидным хоть сколько-то самостоятельному уму фактом: оказалось, поголовно все, кроме ёжика, были объаты плотным слоем запёкшейся на стенах и дороге грязи. Попадавшие во время пути ребята вовсе покрылись до головы жирными, безуспешно размазываемыми сухими руками по всему лицу пятнами. На некоторых подобный камуфляж выглядел даже уместно, но зачастую вид они представляли чрезвычайно неприглядный и до самой крайней степени озверелый, хотя в вежливых друг к другу движениях постоянно и просачивалось общее всем, скрываемое за весёлостью беззаботного топота важное знание. Почти солдатский своей верной синхронностью шаг ускорялся и усиливался, как прочнее и стоял ёжик, в одно мгновение

почему-то резко присевший и впервые свернувшийся в клубок. Заметивший то Даня сказал об этом ребятам, и только тихое удивление отстающего сзади одnogруппника прояснило происходящее:

— А, это, наверное, из-за Кузи.

Вдруг обернувшиеся назад студенты сперва не смогли разглядеть у медленно шагающего сзади друга, из-за неизвестного препятствия будто тормозящего каждый пятый шаг, ничего отчётливого, однако тихие соломенные поглаживания чего-то плотного и с тем еле бурчащего утвердили в парнях сомнение. Из бесславной тени вышло похожее на крупную серую собаку создание, несколько трусливо пригибающееся перед руками парней и подозрительно шоркающее чуть рычащим, хотя и притянувшим руки случайного человека из строя носом.

— Это Кузя, собака. Он почти сразу с тоннеля со мной шёл, мешался ещё.

Студенты, так и не понявшие, что их сопровождает волк, продолжили путь, назвав нового спутника другом и начав его усердно гладить под иногда пробивающийся звучным хрипом вой. Скоро храбрый, наиболее из всех удивлённый ёжик разделил с животным взгляд и, обнаружив встречную незаинтересованность, продолжил смело указывать студентам путь. Под конец пути, уже напоминавшего после перекрёстка известную дорогу, парни, пританцовывающие и продолжившие прошлое импульсивное пение, вместе с пошатывающимся от звучного рыка волком и окончательно осмелевшим ёжиком дошли до дома, увидев который Кузя только немного побегал рядом и, получив ото всех поглаживания, ушёл в лес.

Талисман, согласившийся с домом и так же, как студенты испивали графины еле подготавливаемой мельтешащими студентками воды, усердно поедая кусок сырой говядиной, тут же и ожидающей наконец прибытие способных на приготовление шашлыка мужчин.

Так, ёжик самостоятельно решил осесть в доме и в дальнейшем стал ручным, а закопчённый мазками чёрной грязи Даниил, испытавший от произошедшего довольное удовольствие, несколько не обременённое настоящей структурой его организации и лидерства, начавшего всё с танца, нашёл футболку, аккуратно постиранную и высушенную покрасневшими девочками, в смущении передавшими ему выглаженную одежду. Даня, нечуткой победоносностью поцеловавший одnogруппниц в щёки, поблагодарил их объятиями и побежал играть с хозяином дома в приставку, оставив за собой только еле слышный радостный писк девочек.

Железо, смешанное с глиною горшечною, разобьётся нерукосечным камнем. Иные решаются утверждать, что то стало инстинктом. Инстинктом извращённым, аномальным и попросту Иным, хотя и не ложным: мудрость халдейская сменилась расколотыми очками, и

так красота его обратилась гибборимовою. Во всём был виноват человек: не в иной неточности конструкции и слабости немощно удерживающего Божественную Частицу сосуда; и только ослепляющая суд человеческий любовь обратила людей к любви человеческой. Вкус червивой свинины наполнил рот Даниила, и Ангел Божий поставил Аввакума на место, да человек... Моя программа содержится в одном только требовании: в признании красоты в человеке, рассматриваемом вне Духа, метафорой, показывающей особенное состояние сосуществования Святости и зла, единственной по-настоящему в человеке человеческой частицы, рождённой из уязвимости сосуда, содержащего Божественную частицу и продолжающего после Наказания её содержать. Если угодно, в таком случае безобразным я требую признать не человека в целом, явление по себе чрезвычайно сложное, но только преобразованную во зло уязвимость человеческой небожественности. Несколько усложняется это тем, что в современном обществе вера в Святой Дух оказывается относительной редкостью, и потому зачастую подобное утверждение воспринимают как чорановское проклятье, да программа моя мотивирована исключительно честным негодованием по поводу слияния в человеке отвратительного и Божественного.

Человек имеет право на радость, отвлекающуюся от Господа и не всегда даже обращающуюся к соборности; и во вполне макиэновской борьбе возможен путь более продуктивного умерщвления плоти, чем посредством якобы монашеской несодеянной аскезы, в умах обыкновенных, как в итоге оказывается, физкультурников, продолжительное время даже не молящихся и не задумывающихся о Господе, приравнивающейся к подвижничеству. Сама по себе радость эта, часто переходящая в физиологическую психике весёлость, не обязана иметь самостоятельное значение: человек имеет право на отдых. Адиафора может быть допущена при соблюдении определённых условий. Феофан Затворник отрицал допустимость в православном совершении безразличных вещей: любое действие христианина может быть охарактеризовано нравственным критерием, однако не мыслить об атеистах или людях, так и не узнавших о Боге, кажется таким же несправедливым поступком, как гнушение единственной безразличной мыслью современного христианина, в жизни своей допускающего в том же подробном рассмотрении множество довольно страшных прегрешений. Робкое безразличие я не считаю вещью менее достойной, чем случайное прегрешение или прегрешение с целью выгод для ближнего. Грех гнушения оценивался в разное время в качестве одного из тяжелейших, и почему нельзя допустить краткую честную влюблённость, если он, в отличие от абсолютного большинства, держит пост, молится и благодарен Богу?

Учение о судьбе преисполнено богохульства. Люди могут улыбаться, радоваться и даже ошибаться, в то не вкладывая дерзости или пошлой вымученности зла. Как талантливый человек способен произвести совершенно бездарную вещь, так и человек, не знающий и не

видящий текст, может написать гениальное произведение: даже злая человеческая душа в своём самостоятельном обращении может вырывать из себя самые безобидные, нейтральные по отношению к Богу вещи. Земной мир состоит не только из людей, способных отказаться от своих слов, но и из земного мира и животных, которые смертью своей также завершают и свою душу. Даже ради одних только животных человек мог бы нейтральным увлечением показывать иную безбожественную вещь: играть с ними и отдыхать, без вреда для здоровья баловать и вместе созерцать без того лёгкого обращения к Богу, которого они сами лишены и которое они могут только Испытать, но не Знать.

Весёлость, заложенная в человека именно его тленностью, руководима всё же душой, и потому другое качество ей придать возможно. Люди могут дружить друг с другом, ни о чём более намеренно не думая, как могут и влюбляться: атеист и христианин любят друг в друге не согласие с их жизнью, но нечто более прочное в случае атеиста и нечто более глубокое и личное в случае христианина. Люди могут ухаживать за животными и старикам, думая только о своём домашнем питомце, каждый день ожидающем хозяина и единственного друга у порога, и бабушке, бесчисленное количество раз с любовью именно к внуку стоявшей у плиты. Отец, прощающийся с прежде немногословно помогающим ему сыном, узнаёт особенную благодарность, не схожую с той, какую сын произносит при ином внимании. Погода, природа и беззаботное напряжённое, невероятно переоценивающее свою трагедию студенчество имеют право на подробное вдумчивое описание. Автор, довершающий посредством каждого литературного произведения вполне прочную и открытую, хотя иногда и заключённую в форме художественного образа систему, имеет право на философию, не всегда связанную с богословием, на обычное светское заключение, порой даже только технически играющее с уже известными и разработанными понятиями.

Золотистые лучи, смешивающиеся с краснотой тяжело нависающих повторяющимися волнами штор, освещали комнату на третьем этаже шартрезовым дымом, касающимся своими лёгкими песчинками каждого скола несколько состарившейся мебели. Скрип, удар пола, звук раздвигающихся штор и прилипающего к ногтям окна: один из одноклассников Даниила, в панике ощупывая разделённое на два квадратных блока высокое окно, отчаянной преданностью другу искал способ неожиданно найти решение вдруг пробудившегося недовольства желудка. Окно поддалось только сверху, и потому парень, избегающий порчи мебели товарища, почти наполовину высунулся из рамы, только таким образом позволяющей избежать попадания результатов алкогольного опьянения на отлив. Проснувшийся из-за неясного мельтешения, Даня посмотрел в сторону друга и заметил, что всё окно начало горизонтально открываться в сторону улицы. Тут же рванув в сторону одноклассника и дважды в ходе этого упав благодаря сминающемуся ковру, он начал что-то кричать, однако

парень, активно сплёвывающий целый поток пропитанной спиртом материи, был увлечён исключительно настоящим положением и потому сам не заметил, как начал выпадать из окна головой вниз.

Даниил, успевший подбежать в последнюю секунду, схватил товарища за ноги, но вес всё ещё исторгающего из себя рвоту студента перевесил крепкое, но неподготовленное и сонное тело парня: опершись ногами о стену, он снял слетевшие с пяток нуждающегося носки, и тогда окончательно перевалившийся на сторону улицы третьекурсник начал медленно падать, цепляясь за самый низ оконной рамы руками, обмоченными кусочками еды и желчным соком. Даня, увидевший схватившие окно пальцы, быстро нырнул, чтобы удержать ладонь павшего друга, однако таким всё сложилось образом, что онемевший печатью тошноты одноклассник, падая вместе с Даниилом, вовремя схватившим стенку оконного профиля со стороны комнаты, потянул друга за бедро. Студент смог удержать ещё одного парня, но тут, робко взглянув назад, он вспомнил о заборе, растянувшемся как раз под ногами находящегося ещё в довольно рассеянном болезненном состоянии человека. Даня, не уверенный, что прыжок одноклассника спасёт тому благополучие здоровья и что оттого он сам не упадёт на острые пики забора, издевательски разделённые на три острых расходящихся лезвия, решил продолжить висеть на уже прогнувшихся профилях. В таком положении он пробыл не более двадцати секунд, да за это непродолжительное время опотевший, еле поддерживающий дыхание студент успел проговорить про себя три молитвы, когда-то выученные с подачи бабушки. По одному пальцы слетали, и Даня даже начал предупреждать друга об острых штырях, которые тот всё ещё не замечал, и тогда надеявшийся хотя бы на сохранение здоровья одноклассника и уже почти решившийся на его прыжок Даниил увидел, как со стороны леса другие ребята с его группы втроем на страшной скорости ехали прямо в сторону дома. Ревущее хрустом прорывающихся веток гудение квадроцикла резало путь к Даниилу, и кричащие пьяным ором студенты врезались в угрожающе поджидающий прежде несчастных товарищей забор. Забор прогнулся прямо к стене дома, отчего одноклассник Дани произвольной ослабленностью скатился в навалившийся студентами квадроцикл. Сам же друг Иеремии смог влезть в комнату самостоятельно: уже серьёзно взмокнув, он с радостной улыбкой оглянулся, посчитав высоту эту попросту смешной подобному волнению; так Даниил продолжил жить, не размышляя об отвергнутых судьбой вариантах развития события и уже рассчитывая количество оставшихся на первом этаже кочанов капусты. Если бы в тот момент друзья парня не въехали в забор и не освободили место для падения студента, страдающий тошнотой двадцатилетний молодой человек за невозможностью контролировать падение пробил бы себе голову и живот крючкообразными штырями забора, а Даниил же повис бы расколотой пиками

ногой, пока кровь из его бедренной вены окончательно не осушила побелевшего, попавшего в сперва довольно нелепую ситуацию студента.

Человеческая судьба совершается в Согласии, однако в случае, если изначальный желанный исход, ведущий к Спасению, искажён, остаётся только власть данного искажения, страшной аномалии, имеющей силы не из слабости Его, но из оскорбления их. Даниил в данном случае был обыкновенным, способным честно обратиться к Господу человеком. Если смерть его в данном случае не вела в согласном решении воли его к Спасению, она была невозможна; но места же, где человек душой условно неуязвим согласием со Спасением, могут быть открыты воздействию Иного. Того, что может навести проклятье одной только будущностью потрескивающейся зудящим рождением встречи.